

ХОРШЕВА Ю.О.,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин Северо-Западного
филиала Российского государственного университета
правосудия (Санкт-Петербург)
newsafe@mail.ru

УДК 342.54+94(470+571)

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПРИЗРЕНИЯ ДЕТЕЙ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

**Сирота, беспризорник,
защита прав детей, детский
приют, благотворительность,
общественное признание,
Первая мировая война.**

В Российской империи вопрос о признании детей-сирот всегда оставался актуальным. Участие страны в войнах приводило к увеличению количества детей, потерявших родителей и нуждавшихся в правовой помощи. Накануне Первой мировой войны была сформирована система приютов для сирот. С началом Первой мировой войны осуществляются попытки сформировать механизм защиты детей, пострадавших в результате боевых действий. Опыт законодателя конца XIX - начала XX веков может быть полезен для процессов современного правового моделирования.

Такие социальные явления, как сиротство и беспризорность, существовали в Российской империи задолго до Первой мировой войны. Представляя собой, пожалуй, наименее защищенную категорию населения, дети-сироты нуждались в правовом механизме восстановления своих прав.

К началу ХХ века в Российской империи существовало большое количество государственных и частных приютов для детей-сирот. Приюты действовали разрозненно, без единого механизма регулирования их деятельности. Распространение получили детские дома трудолюбия и Ольгинские детские приюты [1]. На примере этих приютов можно рассмотреть общую модель существовавших в то время домов признания.

История Ольгинских детских приютов берет свое начало в 1895 году, когда в Санкт-Петербурге был учрежден первый приют трудолюбия. Ольгинский детский приют находился в ведении Попечительства о трудовой помощи. В приют принимались дети обоих полов. Здесь стоит отметить, что существовали также приюты, принимавшие отдельно мальчиков и девочек. Детей обучали земледельческим работам, ремеслам, грамоте и Закону Божьему [2, с. 4].

В Санкт-Петербургском Ольгинском детском приюте трудолюбия, учрежденном в Царскосельском уезде, в 1910 году находилось 137 мальчиков и 66 девочек, из них в возрасте от 6 до 12 лет - 52 мальчика и 32 девочки, старше 12 лет - 85 мальчиков и 34 девочки. Содержание приюта по смете 1910 года обошлось в 69984 рубля, из которых 53232 рубля составили средства монарха, а остальные 16752 рубля покрывались доходом от сельского хозяйства и работ в мастерских [2, с. 5].

В 1910 году Ольгинских детских приютов насчитывалось уже 36, в них проживало 1182 ребенка. Приюты были расположены в 18 губерниях и 3 областях (в том числе в Самарской губернии, Якутской области, Харьковской области, Приморской области и др.).

Ольгинские детские приюты руководствовались примерным уставом, одобренным Комитетом Попечительства. В соответствие с уставом такие приюты принимались дети вне зависимости от пола, вероисповедания, сословия, уровня знаний, здоровья в возрасте от 6 лет и до 16 лет - для мальчиков, до 17 лет - для девочек. Однако на практике приютам приходилось принимать детей и младше 6 лет. Таким образом, в Ольгинские детские приюты могли попасть дети вне зависимости от своего происхождения, в том числе и дети солдат, погибших во время военных действий.

Тем не менее вопросу признания детей военнослужащих законодатель уделял отдельное внимание. Вскоре после принятия в 1874 году Устава «О всеобщей воинской повинности», в связи с разразившейся русско-турецкой войной, был принят времен-

ный закон об обеспечении семей нижних чинов. Этим семьям полагались пайки либо пособия [3]. В соответствие с вышеуказанным законом на одно призреваемое лицо ежемесячно полагались мука (1 пуд 28 фунтов), крупа (10 фунтов) и соль (4 фунта). Документ действовал вплоть до 1912 года, когда был принят закон «О признании нижних воинских чинов и их семейств».

Дети, оставшиеся без попечения родителей в результате их смерти во время войны или в течение года после войны (из-за условий военного времени, увечий различного характера), а также дети без вести пропавших могли получать пенсии (до достижения ими семнадцатилетнего возраста). Размер пенсии зависел от количества осиротевших в семье: одному - в размере половины оклада матери, двум - три четверти, трем и более - в размере полного оклада матери. Назначение пенсий сиротам возлагалось на Казенные Палаты. Во избежание двойных выплат в том случае, когда ребенок мог получать пособия из разных источников (например из Алексеевского Главного Комитета и по закону), ему либо назначалась пенсия в соответствии с законом «О признании нижних воинских чинов и их семейств», либо выдавалось пособие Комитета - в зависимости от того, какая выплата была больше¹. Кроме предусмотренных законом пенсий, дети нижних чинов, находившиеся на действительной военной службе в мобилизованных частях армии и флота, в государственном ополчении или военных дружинах, также могли претендовать на получение пособия деньгами из расчета на каждое призреваемое лицо стоимости не менее 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунтов соли и 1 фунта постного масла в месяц². Для реализации перечисленных норм был сформирован Комитет по признанию семей лиц, призванных на войну, а также раненых и павших воинов. Этот комитет подчинялся Верховному Совету по признанию семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов.

Следует учитывать, что с началом Первой мировой войны была предпринята попытка объединить государственную, общественную и благотворительную помощь под эгидой единого комитета, который мог бы выполнять распределительную и контрольную функции. Несмотря на попытки создать единый механизм помощи сиротам, на практике приютам приходилось самостоятельно искать источники дохода для содержания детей-сирот.

Приюты сталкивались и с другими проблемами, одной из них была высокая смертность среди новорожденных подкидышей. В докладе заведующего Саратовским Губернским Земским сиротским приютом Б.П. Бруханского, опубликованном в 1914 году, отмечено, что существовало несколько причин высокой смертности. Во-первых, много детей-подкидышей находили в уже предсмертном состоянии, поэтому такие дети умирали практически сразу после их распределения в детские приюты. Некоторых, однако, удавалось спасти. Б.П. Бру-

ханский связывал слабое здоровье детей-подкидышей с тем обстоятельством, что большинство из них были «нежеланными или внебрачными». Во-вторых, как признавал сам Б.П. Бруханский, причиной смертности оказывалось и то, что кормилицы относились к сиротам (особенно со слабым здоровьем) с некоторой долей халатности [4]. Объяснялось это тем, что неродная мать не может относиться к ребенку с тем же уровнем заботы, с каким к нему относится родная. Проблемой также было то, что женщины, которые занимались в кормилицы, часто имели своих грудных детей. В попытке заработать в сиротском доме кормилицы часто оставляли без должного внимания собственных детей. Потому в своем докладе Б.П. Бруханский предлагал усилить контроль за надлежащим кормлением детей самих кормилиц.

В деле хозяйственного департамента Министерства внутренних дел «По ходатайству Общества (расположенного по адресу: Петроград, Фонтанка, д. 64, кв. 1) по признанию детей лиц, погибших при исполнении служебных обязанностей, о пособии» от 23 ноября 1915 года содержится обращение № 482 в главное Управление по делам Местного Хозяйства, Отдел народного здравия и общественного признания об отпуске 300 рублей Обществу для содержания сирот. В 1914 году Обществу было отпущено 300 рублей Главным Управлением по делам Местного хозяйства. В 1915 году пособие требовалось в более крупном размере в связи с подорожанием продуктов и предметов первой необходимости, а также в связи с тем, что Общество расширило деятельность на детей военных.

Количество членов Общества на январь 1915 года составляло 152 человека. Приют Общества находился в Петрограде - в Новой Деревне, на Набережной улице, в доме № 123. Сироты получали начальное образование с прохождением курса церковноприходских школ и получением свидетельства об окончании таковых. Обучение мальчиков проходило в сапожной и столярной мастерских (для того чтобы их в 15-16 лет могли принять на работу в подмастерья). Более способных направляли в военно-фельдшерскую школу, ремесленное училище цесаревича Николая, Петроградское сельскохозяйственное училище. Девочек обучали шитью, вышиванию, стирке, глажению крахмального белья. В отчете Общества по признанию детей лиц, погибших при исполнении служебных обязанностей, приведен также распорядок дня детей-сирот. До обеда они обучались теории, учебным предметам, а после обеда - ремеслам, с ними проводились практические занятия. Всем детям до 11-12 лет преподавались только учебные предметы, а после - самые здоровые среди них переходили к обучению ремеслам. Имелись учебные предметы для младших и для старших классов.

Зимнее расписание устанавливалось с 15 октября по 15 апреля: 7.30 - подъем; 8.00 - дети умываются, убирают постели; 8.00-8.30 - молитва и кофе; 8.30-11.30 - занятия в мастерских; 11.30-12.00 - про-

¹ Новые законы и распоряжения (опубликован. по 10 октября 1914 г.) о признании воинских чинов и их семейств, а также о пенсиях и пособиях им. С приложением узаконений об охране наследств после умерших воинских чинов и о льготах по делам гражданским, уголовным и относительно квартирных договоров. М.: Правосудие, 1915. С. 19.

² Там же. С. 23.

гулка; 12.00-13.00 - обед; 13.00-14.00 - прогулка; 14.00-15.30 - классные занятия; 15.30-16.00 - чай; 16.00-17.30 - классные занятия; 17.30-18.30 - гимнастические упражнения и строй; 18.30-19.00 - ужин; 19.00-20.30 - приготовление уроков; 20.30 - молитва и дети ложатся спать¹.

К 1 января 1914 года в приюте состояло 52 ребенка, к 1 января 1915 года - 60. Поступления за 1914 год складывались из тарелочного сбора 23694,31 рубля, пособия от казны - 3600 рублей, процентов на капитал - 2239,63 рубля, пожертвований - 2910,25 рубля. Расходы состояли из затрат на продовольствие - 4065,88 рубля (меню составляли такие блюда, как борщ, рисовая запеканка, гречневая каша, гороховый суп, котлеты, щи, макароны и др.²), лечебные расходы - 803,31 рубля, одежда и белье - 483,47 рубля³.

В феврале 1916 года Отдел народного здравия и общественно-го призрения выделил Обществу всего 300 рублей⁴.

Однако помощь оказывалась не только детям воинов. Например, Романовский комитет выделял средства на содержание приютов для крестьянских детей. В 1915 году Романовским комитетом было образовано 16 общежитий при начальных училищах и 18 детских приютов. Всего в ведении Романовского комитета находилось 130 приютов, в которых проживало 5,6 тысячи несовершеннолетних [3].

Несмотря на существование единого органа - Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов - полностью реализовать замысел законодателя об объединении разных форм поддержки сирот и о разработке единого механизма их правовой защиты так и не удалось. Из-за большого количества частных приютов, небольших домов призрения слабо удавалось контролировать их деятельность.

Однако попытки структурировать помощь сиротам продолжались. В 1916 году в Москве было создано совещание земских и городских самоуправлений. В соответствии с принятыми на совещании решениями был учрежден центральный распределительный пункт. Выявленные сироты направлялись в этот пункт, а затем из него уже распределялись по приютам в зависимости от возможностей размещения, размеров ассигнований, а также удаленности от центрального пункта [1]. Впрочем, работа данного пункта не могла охватить всю Российскую империю. Большинство сирот распределялось с фронта напрямую в приюты, поэтому затруднительно проанализировать, насколько эффективной мерой было создание центрального распределительного пункта.

Другой серьезной проблемой, которая потребовала правового решения, с началом Первой мировой войны стало увеличение количества беспризорников. К началу войны беспризорных детей в Российской империи по разным подсчетам было порядка 7 миллионов. Количество правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, увеличилось в 6-7 раз по сравнению с дооценным периодом [5]. Данное обстоятельство объяснялось тем, что осиротевшие дети не всегда попадали в приюты, а оказавшись в неблагоприятной среде, пытались выжить любым способом. Рост числа беспризорников свидетельствует о неэффективности существовавшего в период начала Первой мировой войны механизма защиты прав осиротевших детей.

Для сдерживания роста количества правонарушений было предложено создать специальные детские суды. Процесс организации ювенальной юстиции в Российской империи имел ряд особенностей. В первую очередь следует указать на то, что ново-

KHORSHEVA Yu.O.,
PhD in Juridical Sciences,
Lecturer at the Department
of State and Legal Disciplines
of the North-Western Branch
of the Russian State University
of Justice (Saint-Petersburg)

LEGAL FEATURES OF SOCIAL CHARITY OF CHILDREN ON THE EVE AND AT THE BEGINNING OF THE FIRST WORLD WAR

**Orphan, homeless child,
protection of children's
rights, orphanage, charity,
public charity, First World War.**

In the Russian Empire, the issue of charity for orphans has always remained relevant. The participation of the country in wars led to an increase in the number of children who lost their parents and needed legal assistance. On the eve of the First World War, a system of orphanages was formed. With the outbreak of the First World War, attempts were made to form a mechanism for the protection of children who suffered as a result of hostilities. The experience of the legislator of the late XIX - early XX centuries can be useful for the processes of modern legal modeling.

¹ Российский государственный исторический архив.
Ф. 1288. Оп. 14 1915 г. Д. 134. Л. 12-93. Л.Д. 93.

² Российский государственный исторический архив.
Ф. 1288. Оп. 14 1915 г. Д. 134. Л. 12-93. Л.Д. 88.

³ Российский государственный исторический архив.
Ф. 1288. Оп. 14 1915 г. Д. 134. Л. 12-93. Л.Д. 12.

⁴ Российский государственный исторический архив.
Ф. 1288. Оп. 14 1915 г. Д. 134. Л. 12-93. Л.Д. 67.

введений относительно создания детских судов в законодательстве сделано не было. Вместо этого осуществлялось толкование существовавших процессуальных норм, судебная система приспосабливалась к изменениям в общественной жизни. Процесс формирования ювенальной юстиции в дореволюционное время не был завершен [6].

Таким образом, законодатель конца XIX - начала XX века предпринимал активные попытки создания единого механизма защиты детей-сирот. Позитивной следует считать идею объединения госу-

дарственной поддержки, усилий местного самоуправления и помощи, оказываемой благотворительными организациями. К сожалению, на практике деятельность приютов зачастую оставалась разрозненной, требовала дополнительных источников финансирования. Исходя из того, что в первые годы войны увеличилось число беспризорников, а также количество совершаемых ими правонарушений, можно сделать вывод о слабой эффективности существовавшего в то время механизма защиты прав сирот. ■

Библиографический список:

1. Фомичев И.В. Благотворительная помощь детям-беженцам и детям-сиротам в годы Первой мировой войны // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2015. № 25. С. 196-199.
2. Ольгинские детские приюты трудолюбия. 1895-1910 гг. Спб: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 31 с.
3. Чубаров А.И., Щербинин П.П. Социальное признание детей во время Первой мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 188. С. 195-202.
4. Бруханский Б.П. К вопросу о признании детей в России: Докл., чит. на Всерос. съезде по обществ. признанию в 1914 г. Саратов: Тип. Губ. земства, 1914. 33 с.
5. Сироткин Я.Н. Первая мировая война и рост числа беспризорных в России // Границы познания. 2015. № 2 (36). С. 21-24.
6. Лонская С.В. Очерк истории ювенальных учреждений в России // Защита прав и ответственность несовершеннолетних: современные проблемы: Монография. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2004. С. 6-25.